

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛОБСКИЙ

Lic. Phil., преподаватель кафедры русского языка и культуры, Университет Ювяскюля (Ювяскюля, Финляндия)
alexei.a.lobski@jyu.fi*Рец. на кн.: Pelo R. Jokapäiväinen elämämme. Teos, 2013. 526 s.*

В начале 20-х годов прошлого века М. Цветаева задумывала книгу, которая должна была стать совместным произведением матери и дочери. Книга должна была, по мысли Цветаевой, называться «Земные приметы» и состоять из двух частей. Так она писала об этом Р. Гулю: «”Земные приметы” 1 т. то, что я сейчас переписываю – это мои записи, “Земные приметы” 2 т. – это Алины записи, вначале записанные мной, потом уже от ее руки: вроде дневника. Такой книги еще нет в мире. Это ее письма ко мне, описание советского быта (улицы, рынка, детского сада, очередей, деревни и т. д. и т. д.), сны, отзывы о книгах, о людях – точная и полная жизнь души шестилетнего ребенка» [2: 446].

Роман финской писательницы Риикки Пело «Jokapäiväinen elämämme» (*Наша каждодневная жизнь*), повествующий о Марине Цветаевой и ее дочери Ариадне Эфрон, вышедший в 2013 году и удостоенный главной литературной премии «Финляндия», в какой-то степени воплощает задуманное Цветаевой. Роман написан в форме дневниковых записей, о чем говорят и не отличающиеся разнообразием названия глав: «Август 1923», «Август 1939». Однаково называющиеся главы чередуются между собой, передавая «дневниковую» особенность жизни и творчества Марины Цветаевой. Из ежедневных страницек складывается жизнь, и в то же время жизнь эта, в высшем своем проявлении, абсолютно не эквивалентна дневнику. Сюжетная линия затрагивает в основном два периода жизни Цветаевой: 1923 год – начало эмиграции, когда Марина и ее дочь Ариадна живут в маленькой чешской деревне под Прагой, и 1939 год – возвращение М. Цветаевой на родину. Заключительные главы романа называются «Август 1941» и повествуют о последних днях Марины Цветаевой в Елабуге и буднях Ариадны Эфрон в воркутинском лагере.

Основной темой произведения становятся отношения матери и дочери: Марины Цветаевой и Ариадны Эфрон. И через эту вечную тему «отцов и детей» раскрываются такие мотивы, как творчество, одиночество, любовь во всех ее проявлениях: любовь к матери, дочери, любовь между мужчиной и женщиной, однополая любовь, любовь к родине, любовь к слову. Любовь безмерная, как и все у Цветаевой, проявленная в высшей степени, запредельная, с верхнего «до». В статье «Поэт и проза» Иосиф Бродский

писал: «Марина часто начинает стихотворение с верхнего “до”, – говорила Анна Ахматова. То же самое, частично, можно сказать и об интонации Цветаевой в прозе» [1: 63]. В так называемых «чешских» главах романа Р. Пело рассказывает о мечте Цветаевой создать книгу, которая будет называться «Приметы буден / Будничные приметы». Вероятнее всего, здесь речь идет именно о вышеназванных «Земных приметах». Романная Цветаева также планирует, что это будет ее совместный труд с дочерью Ариадной. «За время всей их поездки, и за весь год, что они жили в этой деревне, которая на самом деле была красивее, чем ее название, Аля писала вместе с ней. Земные приметы или Знаки повседневности, она (Марина) еще не была уверена относительно названия. Но это должен был быть их совместный труд. Голоса их обеих, сплетенные воедино, единое дыхание, единая душа. Их Москва, одна на двоих, окутанная общими воспоминаниями, как елка серпантином. Их изгнание, их любовь, их язык. В одной-единственной книге целая жизнь, все советские будни, весь этот вещественный повседневный (будничный) мир, который никогда не успевал сформироваться и который пытался загнать в угол их обеих. Все, что они могли бы вспомнить здесь, через год после своего отъезда, об улицах, площадях, сиделках, должно было собраться воедино» (Перевод мой. – А. Л.) [5: 23–24]. Но в романе так же, как и в реальной жизни, эта совместная книга не состоялась.

Название романа, думается, доставит будущему переводчику немало хлопот. «Наша каждодневная жизнь» (прямой перевод с финского) звучит для русского уха не совсем благозвучно, поэтому скорее всего русское издание романа потребует иного названия. «Каждодневная жизнь» ассоциируется в первую очередь с жизнью будничной, однако судьба Марины Цветаевой отрицает эту будничность, и подтверждение тому мы находим у нее самой: «Я не стою ни за одну свою земную примету, то есть: в слове “земные приметы” я “земные” (вещественность) уступаю, примету (смысл) – нет. Я не стою ни за одну свою земную примету в отдельности, как ни за один свой отдельный стих и час, – важна совокупность. Я не стою даже за совокупность своих земных примет, я стою только за право их на существование и за правду – своего» [2: 117]. Однако тема «каждодневности» здесь неслучай-

на. Об особой роли «*обыденности и повседневности*» для творчества Цветаевой рассказывает Ариадна Эфрон в воспоминаниях о своей матери: «*Всегда поражавшее меня свойство Марининых лирических тетрадей (в их числе и этой, первой чешской, переплетенной в полосатый коленкор, с Сережиной дарственной надписью): сквозь их страницы просвечивают творчески преображеные календарные листки давно прошедших лет с их ничем не примечательными повседневностями, та растворившаяся в небытии реальность, обыденность, которая столь часто служила причиной возникновения столь отвлеченных от обыденности произведений. Листкам календаря уцелевших повседневностей могут уподобиться некоторые записи моих детских дневников; по ним легко прослеживаются непосредственные первопричины иных цветаевских стихотворений, вернее то, как случайность первопричин выводила на поверхность листа Маринину мысль, непрестанно подспудно работавшую в ней» [3: 47].*

Слово «каждодневность», вынесенное в заглавие романа и довольно часто встречающееся на протяжении всего текста произведения, указывает и на такую характерную цветаевскую тему, как человек и время (поэт и время). Практически в самом начале романа упоминается строка из шекспировского «Гамлете», известная русскому читателю как «*Распалась (пала) связь времен*». В прямом переводе с финского языка она звучит как: «*Время сдвинулось (сошло) со своего места*» (а в переводе Пастернака: «*Порвалась дней связующая нить*»). Обещанная названием романа связность дней (жизнь, состоящая из дней, цепляющихся друг за друга) на самом деле оказывается разорванной, что подтверждается уже на уровне структуры повествования: действие романа происходит в двух временных пластах, постоянно «перескакивая» из года 1923-го в год 1939-й. И потому духовные искания главных героев романа, Марины и Али, это своеобразная попытка преодолеть («сшить») эту разорванность между двумя близкими людьми. Неслучайным видится и эпиграф к роману, который Р. Пело взяла из «Поэмы конца» в переводе Кайсы Ийяс:

Paljaimillaan rakkaus on rivi neulanpistojan,
Sauma, ei side eikä kilpi, vaan sauma
Älä siis pyydä suojaaa.
Sillä neulanpistot, joilla kuolleet on
ommeltu maahan
ovat lujat kuin tikut, joilla minut on
saumattu siniin.
(Ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.
Шов, а не перевязь, шов – не щит.
– О, не проси защиты! –
Шов, коим мертвый к земле пришил,
коим к тебе пришил.)

Имя дочери Цветаевой является символичным – Ариадна, то есть та, в чьих руках находится путеводная нить. Невозможность оторваться друг от друга («*порвать швы*») есть оборотная сторона привязанности к близкому человеку.

Название книги таит в себе еще один смысл. Оно отсылает нас к тексту молитвы «*Отче наши*». Стока из молитвы, которая на русском языке известна как «*хлеб насыщенный даждь нам днесь*», в прямом переводе с финского звучит как «*хлеб наш каждодневный дай нам*». Каждодневная жизнь, таким образом, соотносится с *насыщенным хлебом*. Поэтому, помимо «*дневниковости*», роман также может быть прочитан как молитвенное слово, обращенное напрямую к Богу. «*Отче наши*» является самой «*знакомой*» и интимной молитвой в христианском молитвослове. В своем творчестве, а также в своих письмах Цветаева не раз обращалась к библейской символике, и существует большой соблазн рекомендовать будущему переводчику в качестве варианта названия строку из цветаевского «*Реквиема*» – «*и будет жизнь с ее насыщенным хлебом*». Однако оставим переводчику решать самому эту задачу.

Еще одна трудность, с которой столкнется переводчик романа, это передача ритмики финского текста на русский язык. Как на одну из удач Р. Пело финские критики указали на то, что в своих лучших местах роман «*звучит*», автору удается фонетическая организация повествования. И это особенно важно для произведения, которое рассказывает о крупнейшем поэте XX века. В своем интервью С. Волкову Бродский настаивает на фонетической особенности цветаевских текстов: «*У Цветаевой звук – всегда самое главное, независимо от того, о чем идет речь*» [1: 31]. Об этом говорит и сама Цветаева: «*Есть нечто в стихах, что важнее их смысла – их звучание*» [2: 371]. Без этого попадания, без попытки приблизиться к звукописи цветаевских текстов роман был бы обречен на провал. Дневниковые главы, чередующиеся между собой, в свою очередь, перемежаются небольшими фрагментами без названия. Эти фрагменты представляют из себя поэтические мысли вслух, своеобразный поток сознания, лирические отрывки из дневника Али или Марины, являясь по сути «*дневником в дневнике*» и тем самым усложняя сюжетно-композиционную организацию романа. Именно в этих коротких текстах-вставках Р. Пело пытается приблизиться к поэтической форме, к духу цветаевского текста, к той самой «*истине души*» поэта. В этих местах романное повествование приобретает удивительную легкость и трогательность. Именно такими лирическими строками Пело заканчивает свой роман:

*…а стихи как твои глазоньки,
как сияющие звездочки,
словно синь озер глубокая,
темной радостью наполнены
(Перевод мой. – А. Л.).*

В рецензии на роман в финском журнале «*Ajan kohina*» (*Шум времени*) [4] высказано опасение, что перевод романа на русский язык «разворочит осиное гнездо», так как роман написан о таком неординарном явлении русской (по мнению И. Бродского, и мировой) поэзии XX века, как Марина Цветаева. В журнале «*Kirjailija*» (*Писатель*) Р. Пело так объясняет свой писательский метод: «Я приближалась к Цветаевой через пробелы в ее жизнеописаниях, заполняемые вымыслом. Моя книга стремится к тому, чтобы быть “правдой души” в отношении жизни Марины и Али, а не одномерным историческим повествованием» [6: 15]. Несмотря на то что автор романа декларирует доминирование многомерного вымысла над биографической одномерностью, с трудностью отделить реально существовавших людей от литературных персонажей столкнутся, вероятно, многие, кто захочет прочитать роман. Придирчивое отношение русского читателя, весьма возможно, будет связано и со смелостью нерусскоговорящего, инокультурного автора.

Придирчивость эта понятна, хотя русская литература знает немало случаев обращения к историческим лицам другой культуры (Моцарт у Пушкина, Леонардо да Винчи у Мережковского, Шекспир у Домбровского). Может быть, предвидя эти гипотетические претензии, Р. Пело указала в конце произведения (совсем не обязательные для художественного текста) источники, которыми она пользовалась при написании книги.

В последней главе романа говорится о встрече Ариадны и Марины (предыдущая глава рассказала о самоубийстве М. Цветаевой): Марина «приходит» к Ариадне, и между матерью и дочерью происходит разговор, который подводит определенный итог трудных отношений главных героинь: «Моя история, Марина, началась с твоей любви. И она закончится там, где закончится любовь, твоя любовь ко мне. И там мне надо искать себя, искать снова и снова» [5: 519]. Ариадна находит желание писать, теперь уже не под давлением матери, а как свое собственное осознанное желание.

В своих неосуществленных «Земных приметах» М. Цветаева сказала: «Нужно писать только те книги, от отсутствия которых страдаешь. Короче: свои настольные» [2: 120]. Хочется верить, что Риикка Пело написала именно такую – настольную – книгу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродский И. О Цветаевой. М.: Независимая газета, 1997. 208 с.
- Цветаева М. Избранная проза. 1917–1937: В 2 т. Т. 1: Предисловие. Из дневников и записей, 1917–1920 гг. Литературные эссе. Воспоминания. Из рассказов. Приложение / Сост., подгот. текста и примеч. А. Сумеркина; Вступ. ст. И. Бродского. New York: Russica Publishers, Inc., 1979. 459 с.
- Эфрон А. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Р. Б. Вальбе. Т. 3. М.: Возвращение, 2008. 392 с.
- Ajan kohina [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.helsinki.fi/venalainen-kirjallisuus/files/2013/08/Pelo.pdf> (дата обращения 12.10.2015)
- Рело Р. Jokapäiväinen elämämmäme. Teos, 2013. 526 с.
- Saxell Jani. Eurooppalainen Tsvetajeva // Kirjailija. 2014. № 4. С. 4–15.

Поступила в редакцию 02.09.2015